Наташа Денисова

Утром через десять веков

стихотворения

Наташа Денисова

Утром через десять веков

«Издательские решения»

Денисова Н.

Утром через десять веков / Н. Денисова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-740708-7

«Утром через десять веков» — первый сборник стихотворений автора. В книге собраны произведения, написанные в разных стилях в период с 2004 по 2012 год.

ISBN 978-5-44-740708-7

© Денисова Н.
© Издательские решения

Содержание

утром через десять веков 6
внутри 8
как в фильме готика 9
шахта времени 10
по-дикому одиночить 11
степной орёл короля смерти 12
андромеда 13
кай 14
праздник 15
вокруг ни одной войны 16
на внутренней стороне рук 18
а чера стала водителем автобуса 19
нежность 21
не рыдай мене, мати 22
теплоемкость 23
идёт человек 24
влюбиться в начало века 25
весна 27
о поэтах. игра в слова 28
плывет самолет 29
цвет слов 30
иллюзия всевозможности 31
март 32
офелия не плачет 33
сломанные побеги 34
мембрана 35
лето 78 36
за время, пока мы не виделись 37
медленно 38
колыбельная 39
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Утром через десять веков

Наташа Денисова

Дизайнер обложки Ксения Кейдж

© Наташа Денисова, 2019
© Ксения Кейдж, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4474-0708-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

утром через десять веков

три тысячи восьмой год.
на крыше машины рассыпан град.
ты закрываешь глаза и чувствуешь:
там, далеко… пианино, вальс.
на школьном дворе обязательно кто-то плачет.

не утешай этот мир, мы жили в другом:
корабли забывали в сочи
свои якоря.
мы писали письма.

и ночи видели, как темнело сердце —
не дозвониться никуда
в рукаве сосудов.

теперь и ты один.
каждый час украден.

а тысячу лет назад…
я бегу;
мимо люди, дома, парады.
акация так цветет, что можно сойти с ума.

и та особенная улыбка спрятавшего в карман
море.

наверно, ты был счастлив,
но тогда
что я могла сказать предвечному миру?

три тысячи восьмой год.
как много минуло фильмов.
воспоминания совершенно другой формы.
мы знали, точно знали:
наверху север,

и мы живем на краю света.
и взгляд случайного прохожего
для меня сюита,
и можно засыпать вопросами
как снегом – ничего не известно.

три тысячи восьмой год.
тишина из воска.
и тает, медленно тает.

невероятно близко.

я знала: ты повторишься.

25. 05. 11.

внутри

почта не приходит и сны на орбите
становятся бесконечными как вселенная.
если все звёзды поодиночке убиты,
зачем ты, земля, целуешь колени мои?

зачем истязаешь холодными бурями?

ты внутри космоса, я внутри.

и небеса как зрачки расширены,
тот самый человек
просит кого-нибудь прикурить.

потом бежит, лабиринтам – улицам
не оставляя взгляда, свинца, дыхания.

всё сбудется, точно сбудется,
у нас же вены спаяны.

у нас же руки температурами
не отличаются, и тепло
мы понимаем так одинаково,
что, верно, встретимся за углом.

но почта не приходит.

и глубоко
так дышат…
с детства боюсь глубины.

и забывают на свете всех,
остаёмся мы.

взлетаем медленно, слушаем атмосферами
большое сердце чужой земли.

если умрёшь ты первым – знай:
я внутри космоса, ты внутри.

23. 08. 10.

как в фильме готика

мы с тобою слишком друг другу матери:
беспокоимся до дрожи, звоним сутками,
упаковываем бутерброды,
бежим с сумками
на любые вокзалы и паперти.
мы с тобою слишком друг другу матери…

губы так прикусываем, как в фильме «готика»,
прячем в маленьких аптечках антибиотики
от всего, что случится в жизни.

и бережём патронные гильзы.

они нам дороги, словно память
о том, как мы пытались друг друга ранить.

22. 08. 09.

шахта времени

«его сердце не выдержало этой страшной минуты.
он с воплем охватил ноги невесты-жены, и умер.
потому, что умер уже
давно».
а. грин. «брак августа эсборна»

как прекрасен лондон
своими холодами.
кажется, темза
струится по каждой вене.
алиса, одиннадцать лет без тебя я.
произошли страшные перемены
в моём сознании.

я знаю, сколько у тебя детей,
какой чай пьёшь ты за завтраком.
я кажусь себе страшным злодеем,
мерзавцем, варваром.

понимаешь, мне даже кары нет:
ни одной подходящей казни,
ни одной смертельной проказы.
разве
есть кто-нибудь хуже меня?

весь мир как пальто излинял,
весь мир как пальто выцвел.

когда я тебя оставлял —
я делался самоубийцей.
я каждую ночь полуночи
жду, как нищий ждёт подаяния.
мне отчего-то думается,
что в тихом плывут океане
высокие небеса.
алисия, я бы сам
выпрыгнул в шахту времени,
солёную-солёную, пенную-пенную.
потому, что высота = глубина,
и одиннадцать лет назад
меня ждёт она —
моя невеста. моя жена.

01. 12. 09.

по-дикому одиночить

август, август. зонты и спички.
я всерьёз опасаюсь эпидемий простуды.
доктор, доктор, рассадите меня с иудой,
я больше так предавать не буду.
доктор, доктор, мои безумия
заключаются в рамках ампулы.
и давно, вы знаете, умер я,
умер я…
вмонтирован в аппараты и
искусственные дыхания.

я как лампочки подыхаю
при сотом включении.
дайте мне, доктор, шанс на спасение —
больше таблеток и…
отсадите меня от иуды!
это же просто невыносимо.
я обещаю, что стану спокойно спать,
дожидаться мессии,
пить снотворное, покупать керосин
и по-дикому одиночить.
впрочем,
все эти мысли, доктор,
без адреса и без срока
годности.

13. 08. 09.

степной орёл короля смерти

«и наш перстень на пальце не спит, как младенец».
пауль целан

мы караулим воздух наших сердец,
ты жив ещё, жив ещё,
степной орёл короля смерти.
мы караулим возле наших сердец:
мы ждём, пока придёт
седой человек
и поставит метки,
седой человек короля смерти.
мы караулим запах наших ресниц:
как пахнут они в моменты движения!
и этот запах наших ресниц
тождественен осени,
тождественен осени в любой из моментов года.
мы караулим светочи наших глаз:
кто ходит там, внутри, с фонарями?
кто намеренно газ включает,
чтобы мы дрожали плечами
от разъедающих оболочку слёз?
кто, кто, кто
этот человек, который своим отражением вмёрз
в наши зрачки?

19. 09. 09.

андромеда

а представь как андромеда
зажигает свои огни, не гасит,
как все звезды там можно собрать горстью,

как наш самый забытый август
какого-нибудь 1003 года
раскрашивает яблоки алым
в их прозрачном холодном городе,

и снег парашютами белыми
летит во все стороны,
летит во все стороны,
летит во все стороны.
как красиво.

представь: там живет человек,
и глаза у него синие.
он засыпает в бескрайнем море,
слушает слова непроизносимые,
смотрит на небо, нет у него покоя:
там, за нейтронным полем,
за поющими невпопад квазарами
сияет мелодиями старыми
жемчужное ожерелье – млечный путь.
есть ли там,
есть ли там кто-нибудь?

26. 06. 11.

кай

– что мне делать, мамочка?
я влюбилась в кая.
у него ледяное сердце,
сердце каменное.

бедный кай мой.

как проснётся в чужой постели
– на свой лад перестеливает,
как окажется в чужом доме —
вспоминает меня, да не помнит;
смотрит глазами идола.
мамочка, мамочка, где это видано?
я гнию со своими мыслями, своим приданным,
кай стареет, становится чёрствым и приторным.

под каким проклятием ходим мы?

06. 11. 09.

праздник

мой друг, был какой-то праздник,
сады так небрежно роняли розы.
и мир вокруг – волшебство модернизма.

иди по комнате, прочь иди.

твой город никогда не спасет юдифь,
твой город никогда не спасу и я.
а праздник длится, все фонари горят,

цветут персиковые деревья.

так притворись безжалостным старым вором,
который однажды украл картины
у этой улицы нелюдимой.

необратимо.
как все на свете необратимо.

04. 05. 12.

вокруг ни одной войны

вокруг ни одной войны,
пойми – ни одной войны.
весь год ни одной войны —
я, кажется, чахну от мира.
холодные сумерки жгут,
гонцов оставляют в живых,
обещанный страшный суд
будет на этой неделе.

аннет, ты вставай с постели,
я болен сильнее, чем ты.
мне в рёбра вонзаются рёбра
кошмарнейших страхов на свете.
откуда, аннет, ты взяла эти
дурные привычки плакать?
мне боли, ты знаешь, по локоть,
и дел – умереть, захлебнуться.
и ставок – на шесть контрибуций,
чтоб платьев купить тебе.

аннет, ты поешь ветчины,
покорми голубей.
сделай хоть что-нибудь, милая,
только вот не болей.
мне говорят ты бледна как статуя,
такая девочка – худенькая, нестатная,
я же тебя не такой оставлял.
аннет, ты пойми, расшатана
психика, воля, страна.
аннет, ты ведь там не одна,
я же вернусь невредим и цел.
знаешь, оставляй-ка ты в письмах пробел,
чтобы я целовал бумагу,
которой касаются твои руки.

аннет… если письма к тебе не приходят —
ты всё равно продолжай мне писать.
мне твои письма, знаешь, как чудеса,
как нечто невероятное.
если были б они за плату – я
продал бы полстраны.
это ведь только кажется,
что мы коронованы и важны.
у меня сердце выскакивает,
рвётся на три струны,

когда я думаю о тебе,
ты самая большая из побед.

13. 09. 09.

на внутренней стороне рук

смотри: на внутренней стороне рук
холодным воздухом дышит невский
проспект.
здесь навсегда зима, и так нежно-груб
город.
и я представляю: вот ты,
устав от моих историй,
от незнакомых улиц, флагов

идешь на запад.
и проплывают субмарины
тяжелыми облаками,
по их железной коже
стекает дождь.
бледными-бледными вечерами
бегут звуковые волны.

помни, помни:

первый шаг принадлежит сильным,
все на свете принадлежит сильным.
и только любовь принадлежит слабым,
и только любовь принадлежит странным.

25. 10. 11.

а чера стала водителем автобуса

гнётся, гнётся, кренится глобус.
внутри вместо сердца компас.
на запад, мой друг, на запад.
на запад, мой брат, на запад.
мы будем такими завтра…
такими…
хоть стой, хоть падай.
звенит колокольчик ада
крестиком на груди.
а если и ты украден,
у этих ветров украден,
у матерей украден —
смейся и сам кради.

молитвами, снами, клятвами
усни посреди весны…
молитвами, снами, клятвами
мы все приговорены.

дыханием грейся лёгочным.
руки, руки твои холодны.

сирень так цветёт неистово
по улицам и дворам,
сирень так цветёт неистово,
и пахнет грозой, задыхается…

но время не спать – каяться,
но время не ждать капельниц.

сомкнулась земля карликом,
внутри у меня земля.
что сделать с моей веною,
к сердцу змеёй ползущею?
что сделать с моей веною,
со смертью по проводам?
ах, мамочки, наши мамочки,
зачем вы кормили галочек,
платья в горошек шили?
не доглядели мамочки
как дети теряли крылья.
за медные стёртые грошики
с асфальтом мы сделались сросшимися,
за медные стёртые грошики
мы вызываем бога.

нам сны да такие снятся,
нам сны да такие видятся,
что нефтью зрачки ширятся
от болевого шока.
и снегом усыплет рученьки,
и снегом избелит кожу нам.
моё государство коршуном
мне скармливает ничто.
моё государство коршуном
мертвит во мне всё живое.
ах, мамочки, наши мамочки,
ну кто вам теперь позволит
нас стаскивать вниз с крестов?

31. 10. 09.

нежность

не возвращайтесь,
нет, не возвращайтесь
с исцелованными чужими людьми запястьями.
очарованные другими песнями,
покинутые, грустные
не произносите имя моё без устали.
и россыпью звезд выстрелит
онегин,
ленский в снег упадет лицом.
один человек говорил,
что я люблю мертвецов
и вымышленных персонажей.
но кто же даст мне такую нежность,
как поэты,
спящие в колыбелях
своих слов?
никто из них единожды не солгал,
никто из них единожды не покинул.
когда земля, где вы плачете,
замерзает, стынет, —
они укрывают её шёлком,
сотканным ангелами на небесах.
печальный гамлет приводит меня в сад:
«есть многое на свете…»
и цветущие деревья как белый град
на плечи осыпают нам белый цвет.

29. 01. 12.

не рыдай мене, мати

не рыдай мене, мати, я ушёл отпевать
сон мой.
не рыдай мене, мати, я вернусь к тебе солнцем.
я вернусь к тебе сонмом
ангелов златокудрых…
я вернусь к тебе, мати,
с гуртом
коней шалых.

не рыдай мене, мати, упаду я в колосья,
упаду я в колосья, напьюся росою,
гляну в месяца проседь —
мати, боженька просит —
не ходи ты босою.

мати, мати, мне снится всё поле,
поле бескрайнее, пахнет хлебом,
как руки твои пахнет хлебом…
горьким-горьким стеблем
полыни.
не рыдай мене, мати,
не зови да по имени,
я как смертник веками
сны мои
не можу обрящити.

мати, мати, не рыдай мене настоящего…

я один да не воин, с дружиной не воин.

я не то, чтоб от боли,
я с ветром вою
воеводой казаков храбрых.

мати, мати, мой конь ретивый,
весь в яблоках конь ретивый…
он хрипящий, он с длинной гривой…

не рыдай мене, мати, не гляди да в оконца,
я вернусь к тебе, мати, слепящим солнцем…

только ты помолись.

01. 09. 09.

теплоемкость

*
на самом деле я знаю, конечно знаю,
что все многоэтажные дома одинаковы,
что расстояние измеряют не метрами —
сутками,
и звезды называют именами любимых
женщин.
но только женщины уходят, а звезды вечно
будут объединять легкие атомные ядра
в тяжелые атомные ядра.

*
все относительно:
ты запоминаешь, как кожа роз
летит сверху вниз,
а кто-то помнит твои холодные руки.
и в мире столько любви,
столько любви,
что, срывая сроки
очередного конца света,
кто-нибудь не выдержит,
и, достав гранату,
взорвет все наши дурацкие идеалы.
мир каждый вечер уходит спать,
и я знаю, что очень мало
теперь думаю о тебе.
но вот представь:
тепло, которое миллионы лет
пробиралось к звезде HD 496
столкнулось с отрицательной теплоемкостью.

20. 10. 11.

идёт человек

и в форточки дует
холодный ветер.
и в форточках думают:
это к смерти.

идёт человек,
башмаки теряет,
идёт человек,
октября нет.

и осень силится застрелиться
как бедная и больная птица,
с геракловой силой
к земле клонится
каждым, каждым листом.

идёт человек и не думает
ни о ком.

и в форточки хлещет холодный ливень,
и осень кашляет и сопливит.
и в форточках думают: терпеливей
ждать снега и ждать зимы.

идёт человек из квадратной тюрьмы,
квадратной сырой городской тюрьмы,
и попадает в крохотные шторма,
сомнамбулой ходит, ходит.
октябрь мрёт,
часовой на взводе:
– дайте мне, дайте пороху.
смерти мне дайте, грешнику.
осень не будет вечною:
я её выкраду, украду.

идёт человек, спотыкается на ходу.
кажется: холодно, как в аду.

– осень проходит и я пройду.

01. 10. 09.

влюбиться в начало века

*
это как увидеть своё стихотворение
в большом сердце какого-нибудь человека.
бродить за ним, спрашивать:
– сколько тебе осталось, сколько?
без тебя для меня ведь не жизнь, вечность.

*
это тайком любоваться,
а потом говорить:
– сударь, мне больно смотреть на вас.
кажется, в моем правом лёгком
сотни волшебников прочитали блока,
и бегают в поисках своей незнакомки.

я сейчас задохнусь.

это как ни одной строки не заучивать наизусть,
всегда говорить спонтанно,
смотреть нахальным уличным мальчуганом…

*
это стать режиссёром чужих снов,
снимать каждый кадр как рифеншталь,
новое слово писать,
чтоб один человек читал;
а для других всё равно непроизносимые языки.

это уличную ворону называть не иначе,
как иезекиль,
будто она из неузнанной в детстве книги.
это предлагать жизнь, или её отсутствие,
ждать, когда сделают выбор,
и растворяться в толпе – ничего не было,
пренебрегать похоронами, свадьбами.
это как отпущенные преступники —
быть в сотню раз свободнее.
смотреть сверху вниз, чтобы все называли гордою,
и не знали, что страшно поднять глаза.

это небо раскрашивать бирюзой,
оттого, что всё оно – дыхание одного.

бежать за трамваем, когда полночь,
и он в депо —

забывать всё, что было сегодня днём:
кто глядел в его стёкла, входил в вагон.

это как лежать на земле

и чувствовать: опадает снег.
засыпает плечи, касается тонких губ.
и дрожать от холода: даже снег груб,
и целует совсем иначе.

это самым непроизносимым на свете вечером
ходить по длинным пустынным улицам,
гадать: вертится, или не вертится
планета в сотне световых лет.
вспоминать, как у дома в детстве рос
ярко-красный глёд,
как он был красив,
сочетался с платьем.

и сейчас, как в детстве,
все чувства твои бесплатны,
все дороги твои длинны.

это оставлять маленькие вокзалы
тихой немой страны,
убегать на край света, за млечный путь,
оттого, что сердце – трус, воробей,
не должно петь.
но поёт, громче всех поёт.

24. 09. 10.

весна

а весна наступает медленно,
как будто кто расставляет мебель здесь,
как будто кто выключает лампочки,
и смотрит, как свет выскочит
из стекла.

и воздух так кислородом вымягчен,
что кажется танечка и не теряла мячи,
и кто-то громко внутри кричит
о том, что окно – электрический щит,
отдаляющий тебя от

весны.

но её дыханием рот в рот
механизмы приведены
в действие.
и просыпается земля в детство
своё.
лица касаются, как рукой, ветра,
оставляя навечно шрам…

весна.

21. 02. 10.

о поэтах. игра в слова

потому что сколько бы ни прошло времени,
мы не будем никогда сломанными,
мы не будем никогда брошенными,
это только игра в слова.

построить город, разрушить город,
и целовать
осколки.

как в детстве салки,
как в детстве прятки…
это только игра, игра.

от миллионов трагедий медленно умирать,
преувеличивать значение пустоты,
и нового знакомого объявлять святым,
и находить в нем столько красоты,
сколько никогда не будет.

люди
с патологическим ощущением
вечной непрекращающейся любви.

мы самые несчастные на свете —
всё, что нам нужно, есть в нас самих.

так кто нам даровал идеальный слух?
пусть он отнимет его, отнимет.

12. 12. 11.

плывет самолет

и как я одна ко дну
иду, задержав дыхание…
так плывет самолет,
турбины его стихают,
пилоты его молчат.
оставленный город
глотает туманы,
думает, что он ленинград,
задыхается, захлебывается.

последняя на земле любовь,
последняя на земле смерть.
какие ночи на той стороне глобуса…
все звезды, что светят тебе, украдены.
мы были такими разными,
мы стали такими разными.
и улицами узкими
бредут, как немые узники,
все песни мои о тебе.
смотри, как сентябрь спел:
яблоками на землю дни.
смотри, как устал, поник
мой давний-давний сон.

и как я одна ко дну,
минуя каналы вен…
у меня не осталось ран.
вот видишь, ты был неправ.

01. 10. 11.

цвет слов

марина, что вы наделали, марина?
не исчезают с земли, на которой гунны
певали свои веселые песни,
бежали к чужим женщинам

через сотни вёрст.

в москве так темно и тихо,
а вы в тарусе, грустная, в полный рост
глядитесь в воды седой оки.

к вам однажды придет он
с совершенно глухим
сердцем.

не скажите ему ни слова:
ни старых стихов, ни новых.

19. 02. 11.

иллюзия всевозможности

произведения – драмы,
произведения для моей и твоей мамы.
чтоб упивались и до слёз радовались:
– надо ведь, надо ведь было вас
именно так воспитывать:
без криков и попыток…

без

слов о том, что страшна смерть.

а мы плачемся и сутулимся, пополам
в чемоданы складываем туловища.
мы хрупкие. хрупкие. хрупкие —
не разбить.
хрупкость на самом-то деле твёрже ведь.

мамочки, мамочки, как всё просчитывали…
но, пуповиною перевитые,
мы до сих пор-то
в судорогах корчимся
от этого мира со страшной рожицей.

всё не так, как вы нам обещали.

03. 08. 09.

март

смотри как статуи обветренными губами
глотают неба дрожащий флаг.

разбит мой флот.

античные герои,
спящие в городах разрушенных,
оставляют тебя в покое,

коридорами душными

ты идешь.

так устал, устал.

и непроглядная пустота
на многие километры.

а помнишь в марте

я не знала,
как прикоснуться к твоей душе?

01. 04. 12.

офелия не плачет

мой гамлет, гамлет, право
вчера сошёл с ума.
мой гамлет, были правы
старинные дома.

мой гамлет, были вещими
мои дурные сны.
снискавший себе славу
не стоит полцены.

возьмите на удачу
всё царство, и тогда…
офелия не плачет.
не плачет никогда.

27. 10. 08.

сломанные побеги

мыльной водою падают
линии дождя.
мы с тобой, люси,
играем
в немом кино.
лондон дрогнет
до винтика, до гвоздя.
у лондона два лица и двойное дно.
улыбайся люси, тебе так идёт,
улыбайся великим чаплином через много зим.
я смотрю на тебя, как на самый последний сон,
как на самый последний мир,
как на мать – сын.
твои слёзы жгут в пепел каждый нерв.
в пепел, пепел – прах,
в золотую пыль.
синей птицей так
очарован был
маленький
тильтиль.
мы с тобой умрём
через сотню кадров,
сахаром растаем
на губах вселенной.
я невозвращаем, ты невозвращаема,
но мы в этом городе
по каналам – венам
будем навсегда.

20. 11. 09.

мембрана

и ты уходишь.
гаснут фонари,
взлетает утро,
мои слова приобретают нулевой артикль.

и сны, пробравшись под чужие веки,
цветут пионами на капиллярах.

мне кажется, когда-то вовсе я смогу
в тебя не верить.
не притворяться, и дрожащей, нервной
рукой
не трогать сердце.

что видишь ты
под тонким воском
льда?

мембрана улицы
не может заново создать
пространство-время.

и ты уходишь.
шум метрополитена
звучит холодным вальсом.

не возвращайся.
не возвращайся.

19. 12. 11.

лето 78

лето семьдесят восьмого выдалось очень жарким.
пахло рассветом до самой зорьки.
цвели подсолнухи, цвели маки:
особая уличная магия.

синие туфли задыхались в пыли,
хотелось кричать и плыть
по тоненьким переулкам.
и никому не было жалко
улыбок, жизни, монет.

как будто мир весь на красный свет
решил убежать в будущее.

и стрелки, в часах прыгающие,
остановились на целый год.
и человек – ревущий турбинами самолёт
запрокинул голову.

лето семьдесят восьмого
осталось в городе
незаметным движением руки,
направляющей все шаги

к небу.

13. 04. 10.

за время, пока мы не виделись

за время, пока мы не виделись,
выросли чьи-то дети,
земля нагляделась на солнце,
как нелюбимые друг на друга.

я закрываю глаза и вижу,
как рядом с тобой дышит
бескрайний лес,
как его деревья
врастают в твои сны,
обнимают ветвью.

и через много лет
за тебя заплатят
на переправе реки стикс
все, кто знал и помнил.

а руки океан обжигает солью.
как он глубок.

как твои ресницы
соприкасаются и дрожат.

за время, пока мы не виделись,
я разучилась тебя не ждать.

04. 07. 11.

медленно

исчезать медленно-медленно, плавно,
целовать в почерневшие от войн губы.
кораблями уплывать в страны,
где дома по весне студят.
где дома по весне красят
чем-то синим,

и пахнет хвоей.
целовать их за нас обоих.

30. 04. 10.

колыбельная

спи. до августа осталось
много синих ночей
тихих песен, ключей ото всех дверей.

спи. нет на свете полей белей,
цветов тяжелей.
как они пахнут!

спи.

в пустыне несут верблюды на спинах своих тюки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.